

DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.021
УДК 378.4(470.5) + 323.2 + 316.422 +
+ 070.15:94

Ю. А. Русина
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УРАЛЬСКОГО ВУЗА
В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х — 1990-е гг.):
РАКУРС УСТНОЙ ИСТОРИИ***

Рост интереса и стремления осмыслить процессы, имевшие место в российском обществе в последние десятилетия XX в., во многом обусловлен желанием разобраться в современной социально-политической ситуации. Нередко корни сегодняшнего российского общества видятся исследователям, представляющим различные области знания, именно в 1990-х гг. Пришло ли время научного исторического анализа этого периода? Скорее всего, в ответах на этот вопрос мы услышим полярные мнения: в то время как в среде профессиональных историков довольно распространена точка зрения о многолетней дистанции, необходимой для получения качественных выводов о закономерностях развития какой-либо эпохи, в программах вузовского исторического образования появляются дисциплины, посвященные изучению «краха системы социализма». Однако, наличие уже сегодня насущной необходимости выявления, аккумуляции и анализа источниковых комплексов, отражающих различные аспекты истории 1990-х гг., сомнений в научном сообществе не вызывает. В этой связи представляется перспективным обращение к практике устно-исторического интервьюирования. В контексте развития антропологического подхода устную историю можно определить как одно из наиболее социально значимых направлений исторического знания. Цель статьи — опираясь на метод устно-исторического интервью, выявить взгляд и оценочные суждения преподавателей исторического факультета Уральского федерального университета (УрФУ) на события периода перестройки и первого постсоветского десятилетия. Актуализация в работе компаративного подхода объясняется тем обстоятельством, что в воспоминаниях большинства респондентов 1990-е гг. чаще всего запечатлены на фоне событий предыдущего важного исторического этапа — перестройки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «перестройка»; 1990-е гг.; высшая школа; устное интервью; социальная история.

Ц и т и р о в а н и е: *Русина Ю. А.* Повседневная жизнь уральского вуза в эпоху перемен (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.): ракурс устной истории // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 283–296.

*Поступила в редакцию 17.11.2019
Принята к печати 23.01.2019*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

Yulia A. Rusina*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia***THE EVERYDAY LIFE OF A URAL HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION
IN THE EPOCH OF CHANGES (SECOND HALF OF THE 1980s–1990s):
ORAL HISTORY VIEW**

The growth of interest and need to comprehend the processes that took place in Russian society in the last decades of the 20th century is largely due to the desire to understand the current socio-political situation. Frequently enough, researchers of various fields of knowledge see the origins of today's Russia in the 1990s. Is it time to carry out historical analysis of the period? Most likely, answers to this question will differ, i.e. while professional historians find it important to consider historical events from a long distance as a key to a proper understanding of laws in the development of any era, the historical curricula of higher educational institutions are full of disciplines devoted to the study of the “collapse of the socialist system”. However, there is no doubt in academia that it is urgent to identify, collect, and accumulate sources reflecting various aspects of the history of the 1990s. In this regard, it seems promising to turn to the practice of oral historical interviewing. In the context of the development of the anthropological approach, oral history can be defined as one of the most socially significant areas of historical knowledge. The author aims to use the oral history method to identify the views and evaluation characteristics of lecturers of the Faculty of History, Ural Federal University on the events of the perestroika period and the first post-Soviet decade. The actualisation in the work of the comparative approach is explained by the fact that in the memories of most respondents, the 1990s are most often accompanied by the events of the previous important historical stage, i.e. perestroika.

Key words: perestroika; 1990s; higher education; oral interview; Social History.

Acknowledgements

This article was prepared with financial support from the Boris Yeltsin Presidential Center Foundation within the framework of the project “The Social History of Russia (1990s)”.

Citation: Rusina, Yu. A. (2019). Povsednevnaia zhizn' ural'skogo vuza v epokhu peremen (vtoraia polovina 1980-kh — 1990-e gg.): rakurs ustnoi istorii [The Everyday Life of a Ural Higher Educational Institution in the Epoch of Changes (Second Half of the 1980s–1990s): Oral History View]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 283–296.

Submitted on 17 November, 2018

Accepted on 23 January, 2019

Ошибочным было бы утверждение, что история России 1990-х гг. и тем более период перестройки (1985–1991) обойдены вниманием исследователей, хотя научная историография находится в начале своего пути. Имеются работы общего характера и учебного назначения отечественных, эмигрантских и западных

авторов, среди которых: историки, социологи и политологи [см., напр.: Геллер, Некрич; Гордон, Клопов; Ельцинщина; Конец ельцинщины; Рубби]. Однако в силу публицистического дискурса они часто носят полемическую окраску. Значительный интерес отмечается к осмыслению событий политической истории советского, а затем российского государства последних десятилетий XX в. [см., напр.: Пихоя; Согрин; Шубин; Безбородов, Елисеева, Шестаков].

В то же время следует подчеркнуть, что историографический анализ уральской академической и вузовской периодики за 1998–2018 гг. выявил весьма слабую востребованность проблематики, связанной с развитием вузов в эпоху общественно-политических перемен. Она практически обойдена вниманием ученых. Имеют место работы, посвященные изучению политического сознания молодежи [Бояршинова; Сидоренко, Шувалов]. Оригинальной представляется работа [Дадаграф (Панин С. В.)], где на фоне прикамского маргинального андеграунда показано бурление культурной жизни, спровоцированное студенческими компаниями Пермского университета.

В этой связи хотелось бы отметить исследование профессора УрФУ А. В. Черноухова, посвященное 80-летней летописи исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ, ныне УрФУ). Результаты его многолетних изысканий опубликованы в пяти книгах, две из которых охватывают события жизни факультета в рассматриваемый период [Черноухов, 2016; 2018]. Одним из основных достоинств этой работы видится привлечение внушительного массива источникового материала из текущего архива университета, фондов региональных архивов (ГАСО — Государственного архива Свердловской области и ЦДООСО — Центра документации общественных организаций Свердловской области), а также воспоминаний участников событий, работавших или учившихся на историческом факультете в разные годы. В монографии представлен многогранный спектр университетской повседневности: от документальных и событийных деталей учебного процесса, страниц научной и общественной деятельности преподавателей и студентов истфака, характеристики его кадрового состава в разные периоды до бытовых подробностей жизни в общежитии, скандалов и криминальных дел. Данное исследование использовано как фактографическая опора в ходе анализа содержания собранных устных интервью, ставших источниковой основой предлагаемой статьи.

Итак, с целью изучения повседневных практик в сфере высшего образования, а также восприятия представителями вузовской среды тех перемен, которые принесли с собой перестройка и последующее десятилетие как в систему вузов, так и в социально-политическую жизнь российского общества, проинтервьюировано 24 представителя университетского сообщества — студенты и преподаватели исторического факультета УрГУ 1980–1990-х гг. Такой выбор респондентов объясняется стремлением обнаружить широкий спектр мнений, взглядов и оценок, охватив различные социальные и возрастные группы, причастные к системе высшего образования в эпоху перестроечных и последующих перемен.

При этом, следует иметь ввиду, что на момент опроса «бывшие студенты 1990-х» занимали должности профессорско-преподавательского состава, имея научные степени и ученые звания, т. е. их оценочные суждения и воспоминания можно квалифицировать уже как взгляды университетских преподавателей определенного поколения. Лишь один из опрошенных, выбравший после окончания вуза не научную, а предпринимательскую стезю, не принадлежит к этой категории [Интервью 15].

Согласно гендерной принадлежности информанты распределились следующим образом: 10 женщин и 14 мужчин. Из 24 опрошенных на период перестройки и в 1990-е гг. студентами были 13 человек, а преподавателями университета — 11. Различны и поколенческие характеристики участников опроса. Так, в студенческой группе преобладали люди 1970-х годов рождения, но самые старшие в этой категории родились в 1966 г., а младшие — в 1982 г. В группу преподавателей также попали представители разных поколений: самый старший из опрошенных родился в 1950 г., младший — в 1963 г. Однако большинство респондентов-преподавателей принадлежат 1950-м годам рождения. Таким образом, все участвовавшие в интервьюировании родились, а подавляющее число (21 человек из 24) выросли и получили образование (по крайней мере среднее), в советском обществе.

Устные опросы были организованы в соответствии с двумя программами, направленными на исследование мнений представителей университетского сообщества о двух идущих друг за другом хронологических периодах: 1985–1991 гг. и 1991–1999 гг. Показателен объем текстов, полученных после транскрибирования устных записей: в среднем 20 страниц на одно интервью. Их информационный потенциал довольно широк: учебный и образовательный процесс; научная деятельность; студенческие организации, неформальные группы; выездные учебные практики, внеучебные мероприятия и праздники; университетская инфраструктура и студенческий быт; финансовые обстоятельства; политическая активность; криминогенная ситуация; и др.

Прежде чем перейти к анализу содержания полученных интервью, хотелось бы остановиться на некоторых моментах, имеющих отношение к проблеме достоверности полученных сведений, а также их источниковедческой оценке. И бывшие студенты, и преподаватели в своих рассказах-воспоминаниях довольно четко соотносили сюжеты с двумя изучаемыми временными отрезками. Что касается «студенческих» интервью, то здесь причина очевидна — яркие события студенческой жизни редко путают с последующими «взрослыми» этапами жизни. На восприятие прошлого у преподавателей, скорее всего, оказали влияние профессиональные навыки и опыт, сформировавшаяся потребность к аналитическому взгляду и систематизации событий, а также стремление к аргументированным оценкам. В этой связи хотелось бы подчеркнуть источниковую ценность интервью, принадлежащих профессиональным историкам, память которых особым образом «натренирована».

Судя по содержанию собранных и проанализированных материалов, наиболее ярко выраженный и эмоционально окрашенный интерес у респондентов

вызвали вопросы, связанные с периодом гласности и политического плюрализма конца 1980-х гг. Что касается последнего десятилетия XX в., то здесь на первый план в воспоминаниях участников устного опроса вышли экономические трудности, а также реорганизация системы образования и методологические сдвиги в научной сфере, породившие новые возможности реализации учебных задач. Анализ материалов интервью свидетельствует о сохранившейся в памяти респондентов серьезной переоценке пережитых социально-политических сдвигов, произошедшей у большинства из них после 1993 г.

Специфика социального среза, к которому принадлежали респонденты, объясняет и то, что мотивы выбора профессии у них очень схожи (этот вопрос задавался студентам 1990-х гг.): увлечение историей еще со школы, попавшая в руки книга по истории и т. п. [Интервью 13, 16, 19, 21]. Один из опрашиваемых видел в профессии историка социально значимый контекст, порожденный политикой гласности: *«...была эпоха такая, когда быть историком — это было круто, это было интересно. ...к сожалению, сейчас молодежи трудно понять, почему люди в то время шли на истфак»* [Интервью 1].

Положительное восприятие перестроечного периода характерно для всех участников опроса:

...Когда началась перестройка, жизнь в целом очень сильно оживилась, причем везде. И первоначально самые разные люди имели большие надежды на изменение к лучшему, причем это касалось как очень молодых, так и очень старых людей. Как будто свежий ветер подул. И это ощущение, несмотря на последующие трудности, не угасало до самого конца перестройки и прекратилось, пожалуй, только в 1992 году, когда началась знаменитая гайдаровская реформа... [Интервью 24].

...Дело в том, что было интересно жить. Каждый день узнавал что-то новое. У нас весь коридор был увешан стенгазетами, которые сейчас незаметно ушли в прошлое. ...Я помню... на протяжении всего коридора, ну с перерывами на двери в аудитории, была стенгазета с публикацией доклада Хрущёва... на XX съезде. И вот все стояли и читали, передвигаясь вдоль коридора... Кроме стенгазет (другое проявление перестройки) это, конечно, диспуты. ...Диспуты были практически каждый день. После занятий собирались в какой-нибудь большой аудитории... Набивалось битком народу, приходили с других факультетов. И ставилась какая-нибудь тема. ...Помню диспут по голоду 1932–1933 гг. Насколько этот голод связан с процессами коллективизации. ...Самое главное, это были надежды, очень большие надежды на то, что изменится как-то, будет лучше. ...После началось постепенное разочарование [Интервью 6].

...Вплоть до распада Союза я был студентом. ...Перестройка не была вовсе однозначным процессом, но она всколыхнула надежды какие-то... Вот просто по порыву души, как будто открылись, действительно, какие-то форточки, захотелось жить, захотелось спорить, захотелось созидать и, надо сказать, неприязнь к партийной модели была очень сильна, и раздражала, и впоследствии это вылилось в крупные демонстрации и выступления, когда впервые на моей памяти совершенно свободно собирались многотысячные митинги. ...Активность

была очень высока. Она питалась разными истоками, если говорить о студенчестве, то было очень много романтизма, возрастного... когда арестовали ГКЧП, радость была искренняя... [Интервью 7].

Студент конца 1980-х гг. видел в этом времени не только серьезные гуманитарные сдвиги (свободно высказываться, читать ранее недоступные книги, митинговать), но и выраженное осознание ответственности за свое поколение, доказательством чему служит реализация демократических практик и самоорганизация студентов, например, в виде петиций в деканат с просьбой сменить преподавателей, один из которых читал лекции *«слово в слово по учебнику»*, а другой давал устаревшие, по мнению учащихся, сведения на занятиях по диалектическому материализму). *«Скандал был серьезный, деканат должен был как-то реагировать, объяснять. Студенты воспринимались как реальная сила, как субъект отношений, с мнением которых надо было как-то считаться. Был случай еще, когда мы вышли с лозунгом “Долой карьеристов из партии”»,* что вызвало довольно жесткую реакцию сотрудников милиции, привод студентов в отделение, а *«потом к нам приходил человек из областного МВД извиняться перед студентами»*. В этой истории серьезную роль сыграл тогда декан факультета Юрий Сергеевич Кирьяков, заставив студентов поверить в верховенство слова над силой [Интервью 4].

В оценке фигуры Б. Н. Ельцина респонденты (и преподаватели, и студенты 1980-х гг.), участвовавшие в программе опроса по периоду перестройки, единодушны. В указанные годы в Свердловске бывший первый секретарь обкома КПСС пользовался огромным авторитетом: *«Был на митинге в поддержку Ельцина»* [Интервью 3]; *«Я агитировал за Ельцина... участвовал в создании первого ельцинского центра, отнюдь не музейного, а поддержки Ельцина как кандидата демократических сил...»* [Интервью 24]; *«Обсуждался конфликт Ельцина с Лигачевым, причем все были на стороне Ельцина»* [Интервью 6].

Однако, вспоминая 1990-е гг., большинство из опрошенных преподавателей-историков также отмечают разочарование в нем как государственном деятеле и политическом лидере: *«До августа 1991 года, конечно, воспринимался как общенациональный лидер и очень скоро... образ этот потускнел»* [Интервью 11]; *«Я, наверное, был самый последний из всех, из своего окружения... который отказался от Бориса Николаевича. Я... надеялся на него до самого последнего момента»* [Интервью 2]. У некоторых из опрошенных имя Ельцина ассоциируется с началом Чеченской войны [Интервью 8]. Период переоценки личности Ельцина, судя по интервью, приходится на 1995–1996 гг. Что касается студентов 1990-х гг., то они чаще всего отмечали свою аполитичность: *«мы про политику почти не говорили»*. Хотя следует отметить, что по крайней мере в двух интервью есть упоминание имени Ельцина: в одном из них звучит тема разочарования в этом политике [Интервью 19], в другом вспоминается рок-марафон «Голосуй или проиграешь» и фигура Ельцина резко противопоставляется коммунистам на фоне страха перед возвратом компартии к власти. В нем также имеет место рассказ о вовлечении студентов в махинации с билетами на это мероприятие [Интервью 1].

В ответах на вопросы по второй программе исследования меньше «перестроечного» эмоционального накала, но воспоминания о периоде 1990-х гг. наполнены самым разнообразным содержанием: от повседневных практик до социально-политических процессов, отразившихся в университетской реальности.

При этом существенные отличия, что естественно, отмечаются в интервью студентов и преподавателей 1990-х гг. Те, кто говорил о своей студенческой жизни, чаще останавливались на бытовых подробностях (условия в общежитии, размер стипендии, «борьба за выживание» в условиях экономического кризиса), рассказывали о случаях на экзаменах, взаимоотношениях с однокурсниками и т. п. Все опрошенные бывшие студенты, вспоминая 1990-е гг., характеризуют их как *«тяжелое время»* или *«сложное время»* [Интервью 13, 15, 16, 19, 21]. У преподавателей доминирует внимание к изменениям, связанным с учебным процессом, появлением новых специальностей и направлений, ликвидацией одних кафедр и формированием других, приходом в университет такого незнакомое ранее явления, как грантовая поддержка ученых, развитием международных контактов.

Действительно, в первые годы после распада СССР произошли существенные организационные перемены в жизни факультета. Ответом на потребности образовательного рынка стали новые специальности: «Международные отношения» и «Документоведение. Документационное обеспечение управления», а также подготовка делопроизводителей и архивистов средней квалификации на внебюджетной основе. В 1992 г. появились студенты-контрактники, на Ученом совете заговорили впервые официально о бакалаврах и магистрах. С введением платного образования было ликвидировано подготовительное отделение (рабфак), что существенно повлияло на состав учащихся. Прекратила свое существование общеуниверситетская кафедра истории КПСС. На базе же бывшего комитета ВЛКСМ УрГУ был сформирован студенческий центр «Оптимист» [Черноухов, 2018, с. 10–12]. Обо всех этих событиях упоминали преподаватели 1990-х гг., участвовавшие в опросе. Обращает на себя внимание, что никто из респондентов не вспомнил, что в 1990 г. на истфаке впервые прошли альтернативные выборы декана, в которых участвовали три претендента со своими программами [Черноухов, 2016, с. 41].

90-е года были связаны с тем, что историю КПСС сняли. ...Стали использовать новые учебники, появилась масса методологической литературы, изменились концептуальные подходы. Я бы сказала, что в 90-е годы, в сравнении с двухтысячными, было больше разнообразия, больше поиска, больше свободы... [Интервью 8].

Начало 90-х годов ставило вопрос и элементарного выживания в рамках профессии, поэтому вскоре возникают кафедры, которые были тогда привлекательны с точки зрения зарабатывания денег, грубо говоря, то есть открытие набора по... специальностям, востребованным на рынке. ...Конечно, было невероятное ощущение свободы, возможности вырваться из пресловутого ложа официальной марксистской теории, так называемого исторического материализма. ...Взахлеб читали Броделя... Шпенглера... Был очень большой грант, выигранный

университетом... грант Европейского союза «*Tempus Tacis*», Фонд академической мобильности, по которому вот начиная с 94 и по 98 годы в университетах Европы, в Британии, в Германии, во Франции, в Венгрии смогли стажироваться практически все преподаватели истфака... кто владел языком иностранным [Интервью 11].

Упоминаются возможности проводить исторические изыскания на условиях хоздоговоров, когда «новая специфическая элита из советской партийно-хозяйственной номенклатуры» заказывала профессиональным историкам книги о становлении своего градообразующего предприятия или развитии небольшого города, расположенного в северных или нефтеносных регионах страны [Интервью 11].

Другая тема, которая вызвала заинтересованный отклик и преподавателей, и студентов — приток новой литературы. Причем она в унисон звучит в ответах и по перестройке, и по 1990-м гг.

Всё читал! — восклицает преподаватель 1980-х гг. — *Очень интересные литературные художественные журналы были... Ранее написанные произведения. Вот, например, «Дети Арбата» публиковали в то время, «Белые одежды» Дудинцева, «Ночевала тучка золотая...», «Зубр». Это только художественная литература. А публиковали и другие вещи. Например, я первую информацию о финской войне получил из журнала «Огонек». ...Берешь журнал «Вопросы истории», там полно интересного! ...Газеты такие интересные были — ужас! Острые, особенно «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» [Интервью 24].*

...Сейчас я такого не вижу вообще, — сожалеет студент 1990-х гг., — ...в библиотеке были очереди и нужно было найти местечко, люди стоя читали и сидя на полу, потому что нельзя книгу выносить было из читального зала... И в Белинке¹ была такая же ситуация, мы туда обычно в выходные ходили. ...В воскресенье была очередь на выдачу книг, потому что больше некуда было студенту идти готовиться к семинарам. А читали много, не только по программе, но и что-то новенькое и не очень новое. ...Шел целый вал переводной литературы, которая в советские годы не издавалась, это все нас привлекало [Интервью 16].

Не находим разногласий в преподавательской и студенческой оценке экономической ситуации 1990-х гг. Практически все респонденты отмечают низкие зарплаты, мизерные стипендии и необходимость искать возможность дополнительного заработка: «*Мы подрабатывали все. Мы работали в школах, мы работали на “дистантах”², потому что заработная плата была маленькая*» [Интервью 8]; «*Этой стипендии на неделю хватало, ну, может быть, на две при*

¹ Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского.

² Представительства УрГУ в районных центрах Свердловской области, а также в северных городах — Нефтеюганск, Сургут, Новый Уренгой, — где готовили специалистов по программам высшего образования на внебюджетной основе и куда преподаватели выезжали в свободное от основной работы на факультете время. График поездок часто был очень интенсивным, захватывая выходные и праздничные дни. Благодаря «дистантам» на факультете появились компьютерные классы, ремонтировались аудитории, пополнялся книжный фонд, и, конечно, заработная плата выглядела более достойно.

экономном расходовании. ...Мы, в основном, временную работу использовали... За годы обучения я, допустим, сам поработал и грузчиком, и охранником, и сборщиком подписей на предвыборных кампаниях, и расклейщиком объявлений, то есть, по сути дела, брались за всё, что давало деньги» [Интервью 16]; «Многие парни устраивались на ночь киоски сторожить. ...Девчонки многие в школы старались устроиться, чтобы деньги заработать хоть как-то» [Интервью 21]. Есть в материалах интервью упоминания о довольно необычном для студента истфака способе пополнить свой кошелек: «У нас... некоторые еще подзарабатывали, играя под чужими фамилиями [в футбол] где-нибудь на первенстве области, где платили деньги. Это тоже был такой приработок» [Интервью 1]. Один из респондентов сохранил в памяти точные цифры: «Стипендия была 88 рублей, я вот сейчас помню, 88 рублей. Но тогда, для первого курса, это были хорошие деньги. Можно было купить полкило печенья, которое стоило 5 рублей. ...После кризиса (имеется ввиду 1998 г. — Ю. Р.) на стипендию 88 рублей можно было купить ничего. Тюбик зубной пасты стал стоить 40 рублей» [Интервью 14]. Другой назвал размер стипендии «чем-то символическим», что почти полностью уходило на проездной билет [Интервью 12].

О тяжелых экономических временах для преподавателей вузов, несмотря на появившиеся грантовые возможности и международное сотрудничество, свидетельствует ответ одного из респондентов на вопрос «А Вы чувствовали себя востребованным как ученый?»: «Однозначно нет. Потому что занятия наукой, они, в общем, требуют большого времени... А родное государство в 90-е годы доцентов, преподавателей университета не способно было обеспечить адекватно. Вплоть до конца 90-х годов на первом месте стояла проблема элементарного выживания, зарабатывания. И я только счастлив сказать, что не ушел торговать компьютерными мышками (смеется), а остался на факультете» [Интервью 11]. Об отсутствии возможности полноценно заниматься наукой свидетельствует тот факт, что в стенах исторического факультета в 1993–2005 гг. не было защищено ни одной докторской диссертаций, хотя кадровый потенциал в лице когорты молодых кандидатов наук, несомненно, имелся.

Анализ содержания интервью обнаружил интересную подробность, связанную с функционированием человеческой памяти, на которой хотелось бы остановить внимание. Какие-то личные обстоятельства или специфика восприятия действительности, а также жизненные приоритеты закрепляют в воспоминаниях человека одни события и не сохраняют другие, казалось бы, не менее важные. Почему вполне существенные, с точки зрения житейских практик, упоминаемые большинством респондентов факты, не отразились в памяти отдельных людей, находившихся в тех же обстоятельствах? В масштабах данного исследования можно лишь констатировать, что среди отвечавших на вопросы по программе изучения истории 1990-х гг. есть два участника, чьи воспоминания противоречат утверждениям остальных опрошенных.

Так, и студенты, и преподаватели в ходе интервьюирования отмечали «дикие очереди за зарплатой» или стипендией. Но в одном из интервью читаем:

«Я не помню... чтобы у нас в университете задерживали заработную плату в 90-е годы. Вот честно скажу» [Интервью 2]. В другом интервью участник исследования сохранил нечеткие воспоминания об этом факте, хотя ему запомнилась атмосфера очередей в университетскую кассу: *«Таких каких-то системных проблем я не помню, но возможно были разовые какие-то задержки, но не критичные. Опять-таки... до тотального распространения зарплатных карт деньги-то получали живьем, в окошечке кассы по определенным дням, и туда выстаивалась такая колоритная очередь, длинная очередь, где можно было пообщаться. ...Это своего рода клуб неформальный»* [Интервью 11].

В таком случае целесообразно привлечение другого источника — публикаций вузовской многотиражки «Уральский университет», свидетельствующих о финансовых трудностях 1990-х гг., включая задержки с выплатой заработной платы и стипендий, ответом на что, в свою очередь, стали забастовки. Для университетского социума — новая постсоветская практика. В № 2 и 3 газеты за 1994 г. помещены статьи [Забастовка — не метод борьбы; Хроника забастовки], освещающие ход и требования забастовки вузовских работников, прошедшей 15 февраля, сопровождавшейся митингом и демонстрацией, собравшей несколько тысяч преподавателей и студентов. Материалы газеты говорят и о других проявлениях протеста с требованиями выплаты стипендии, который выражался, например, в пикетировании студентами здания областной администрации.

В то же время в тексте интервью студента 1991–1996 гг. читаем: *«А вот с точки зрения политической активности, ну вот я честно говоря не помню. Сам не участвовал ни в каких, ни в митингах, ни в демонстрациях... Времени не было, потому что три вещи, которые заполняли все время это — учеба, спорт и работа, они не оставляли времени ни на что другое. Да, честно говоря, я и не помню никаких митингов и демонстраций в 90-е»* [Интервью 16].

Сравнивая восприятие атмосферы перестройки и 1990-х гг. разными участниками опроса, хотелось бы отметить отношение к политике. Интерес к ней, по свидетельствам респондентов, постепенно падает, о чем вспоминают почти все опрошенные. Подобная динамика наблюдается, например, в падении интереса к «борьбе за самоуправление», свойственной студентам времен перестройки. В собранных материалах явно просматривается закономерность: чем дальше период обучения от начала 1990-х, тем реже упоминания политической тематики. Перестроечная политизированность уступает место борьбе с экономическими трудностями 1990-х гг.: *«Я, считай, только поступил и тут же распался Советский Союз. По этому поводу были самые разные мнения, не могу говорить за всех, но в среде людей, с кем я плотно общался, больше, конечно, радовались... Для нас важнее всего была свобода. ...Но такие настроения как-то быстро исчезли. Вот примерно 1990-й — начало 1992-го — это да. Там все были бодрые, полны оптимизма и веры в светлое будущее при демократии. Однако вскоре этот восторг сменился некоторой депрессией, потому что вдруг оказалось, что богато мы жить не будем...»* [Интервью 15]. Так же считает и другой бывший студент: *«Самые*

активные споры (в том числе о политике): 1990–1991 годы, а потом как-то это всё стало стихать, интересы куда-то переключились на другие проблемы, насущные...» [Интервью 16].

Студенты начала 1990-х гг. принимали участие в разного рода политических акциях или, по крайней мере, следили за ними: раздавали листовки, собирали подписи в предвыборных компаниях, обсуждали в коридорах истфака в октябре 1993 г. штурм Белого Дома [Интервью 1]. Чем дальше в 1990-е гг., тем чаще в ответах звучит: *«политику не обсуждали, она нам, видимо, была не очень интересной»; «внимание молодежи к политике было не очень высоким»; «про политику почти не говорили»; «такое чувство, что студенты мало интересовались политикой, даже по себе могу сказать»* [Интервью 14, 19]. Похожая картина снижения интереса к политическим коллизиям прослеживается и в воспоминаниях преподавателей 1990-х гг.: *«Политическая жизнь бурлила, но, опять-таки, тик ее пришелся на рубеж 1989–1991 гг., на период нашей капиталистической революции»* [Интервью 11].

Во многих студенческих интервью затрагивается тема ухудшения криминальной обстановки в стране и в стенах университета, а также проблема наркотиков, которые вошли в жизнь молодежи именно в 1990-е гг.: *«...Наркотики очень страшная вещь... и среди моих знакомых... по общаге были ребята, которые... подсели на это дело»; «Это вообще была такая эпоха, очень много было трагедий...»* [Интервью 13, 15, 1].

В учебных зданиях университета нередко были случаи краж. В 1993 г., например, из кабинета проректора «утащили оргтехнику и аппаратуру на 2,5 млн руб.» [Черноухов, 2018, с. 51]. В этих реалиях группа студентов-историков, в массе своей бывшие армейцы и рабфаковцы, в 1993 г. организовала оперативный отряд СКИФ, который взял на себя обеспечение порядка вначале в общежитии истфака, затем во всем студенческом городке, а позже, в соответствии с договором, заключенным с администрацией университета, осуществлял пропускной режим в здания УрГУ. «Скифы», как довольно быстро стали называть ребят-оперативников в университете, также участвовали в охране перемещения стипендиальных сумм из банка в университетскую кассу и обеспечении порядка во время массовых университетских мероприятий [Там же, с. 54–58].

Один из респондентов, работавший в студенческие годы в оперативном отряде поделился такими фактами, подтолкнувшими молодых людей к самоорганизации: *«...Ситуация была достаточно криминогенная в городе. И в университете это неоднократно проявлялось: стипендию отбирали у старост. Тогда еще живыми деньгами старосты получали на всю группу стипендию и распределяли. И вот, были такие умельцы, которые отбирали все деньги у старост... И люди просто оставались без стипендий. Поэтому нужно было что-то в этом плане делать, и мы тогда организовались и создали отряд СКИФ»* [Интервью 16].

Для студенчества 1990-е гг. — это время их взросления, приобретения опыта, хотя и сложное, особенно в экономическом плане, но одновременно юношеское и счастливое. Скорее всего, именно этим объясняется в основном

положительная коннотация в их трактовке периода: *«Я помню, мы жили голодно, бедно, с копейки на копейку, но гораздо важнее была возможность безграничного общения, много нового узнаешь, учиться интересно... Остается в итоге не то, сколько денег у тебя в кошельке, а эмоции, воспоминания»* [Интервью 21]. Будучи сегодня преподавателями, они сравнивают свои «беззаботные» ученические годы с нынешней ситуацией в университетском образовании: *«Обидно, что гуманитарное образование вообще в последнее время пытаются сократить, считают, что оно избыточно. Мне это не нравится, потому что гуманитарное образование — это здоровье нации. ...Мне кажется, высшее образование — это такая штучная... работа. ...Нет такого с античных времен идущего порядка: учитель — ученик. Нет прямого контакта. Вот это мне не нравится в сегодняшней системе»* [Интервью 21]. И это сравнение показывает тот потенциал, который система высшей школы еще не растратила в первое постсоветское десятилетие, в лоне которой выросли прекрасные профессионалы, так как, несмотря на финансовые трудности, это время отмечено творческой свободой, в том числе в области образовательных практик.

В большинстве своем участники исследования в рамках двух названных программ, оценивая последнее пятнадцатилетие прошлого века в социально-политическом аспекте, с грустью констатировали несбывшиеся надежды. Это ясно выражено в оценке перестройки студента тех лет: *«Другое дело, что сейчас уже с позиции прожитого времени и с позиции опыта я говорю, что мне не нравятся перемены. Нельзя жить в постоянных переменах... ведь проблема не в перемене как таковой, проблема в том, к чему эти перемены ведут. ...А тогда что-то пошло не так, с какого-то времени, и вся эта эйфория, весь этот энтузиазм, он ушел в песок, потому что что-то пошло не так»* [Интервью 7]. Схожая интонация слышна в подведении итогов советской истории представителем более старшего поколения: *«...в массе своей люди не предполагали, насколько эгоизм новой буржуазии и нового чиновничества уничтожит возможности сохранения прежних связей, и насколько старая коммунистическая номенклатура, переставшая быть коммунистической, жадно разорвет эту страну на части»* [Интервью 24].

Оценивая собранный материал, можно констатировать, что он обладает богатым информационным потенциалом, позволяя изучать не только разные стороны университетской повседневности в позднесоветский и постсоветский периоды, но также некоторые черты и характеристики сознания определенного среза общества — вузовской интеллигенции. Имея стремление удержаться в сфере науки и образования в период ломки привычных устоев и социально-политических институтов, ее представители демонстрировали серьезный запас прочности. Они восторженно приняли политику гласности, увидев в ней возможности нового осмысления прошлого исторического опыта, выстояли в условиях экономических кризисов следующего десятилетия, творчески откликнулись на вызовы рынка, проявили гибкость, адаптируясь к реформированию системы образования. Но в итоге в их восприятии эпохи перемен доминируют горькие ноты разочарования, которые экстраполируются и на сегодняшний день.

Источники

- Дадаграф (Панин С. В.)* В людях мои университеты (заметки по памяти) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2011. Вып. 3 (17). С. 147–153.
- Интервью 1: А. А., мужчина, 1975 г. р.
- Интервью 2: А. З., мужчина, 1963 г. р.
- Интервью 3: А. М., мужчина, 1957 г. р.
- Интервью 4: А. К., мужчина, 1966 г. р.
- Интервью 6: В. Л., мужчина, 1951 г. р.
- Интервью 7: Д. Р., мужчина, 1966 г. р.
- Интервью 8: Л. Б., женщина, 1952 г. р.
- Интервью 11: Н. Б., мужчина, 1962 г. р.
- Интервью 12: Н. П., мужчина, 1974 г. р.
- Интервью 13: О. С., мужчина, 1980 г. р.
- Интервью 14: Р. Г., мужчина, 1980 г. р.
- Интервью 15: С. К., мужчина, 1972 г. р.
- Интервью 16: С. С., мужчина, 1969 г. р.
- Интервью 19: С. И., женщина, 1973 г. р.
- Интервью 21: Т. К., женщина, 1972 г. р.
- Интервью 24: Ю. В., мужчина, 1950 г. р.
- Забастовка — не метод борьбы // Урал. ун-т. 1994. № 2.
- Хроника забастовки. Мнения бастующих // Урал. ун-т. 1994. № 3.

Исследования

- Безбородов А. Б., Елисеева Н. В., Шестаков В. А.* Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб. : Норма, 2010.
- Бояришинова И. М.* Молодежные объединения Южного Урала в 1990–2000 гг. // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. 2012. № 3. С. 42–46.
- Геллер М., Некрич А.* История России 1917–1995. Т. 4 : Глазами историка. Россия на распутье. 1990–1995. М. : МИК : Агар, 1996.
- Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства : в 2 т. М. : Эдиториал УРСС, 2000–2001.
- Ельцинщина / Венг. ин-т русистики. Будапешт, 1993.
- Конец ельцинщины. Будапешт : Венг. ин-т русистики, 1999.
- Пихоя Р. Г.* Москва, Кремль, власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М. : Русь-Олимп, Астрель : АСТ, 2007.
- Рубби А.* Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России. М. : Междунар. отношения, 2004.
- Сидоренко Н. С., Шувалов Н. В.* Вузовские комитеты ВЛКСМ Челябинской области в период «перестройки» (1985–1991 гг.) // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. № 4. С. 64–68.
- Согрин В. В.* Политическая история современной России. 1985–2001. От Горбачева до Путина. М. : Весь мир, 2001.
- Черноухов А. В.* Исторический факультет Уральского государственного университета. 1970–1991. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.
- Черноухов А. В.* Исторический факультет Уральского государственного — Уральского федерального университета. 1992–2018. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018.
- Шубин А. В.* Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М. : Вече, 2005.

References

- Bezborodov, A. B., Eliseeva, N. V., & Shestakov, V. A. (2010). *Perestroika i krakh SSSR. 1985–1993* [Perestroika and the Collapse of the USSR. 1985–1993]. St Petersburg: Norma. (In Russian)
- Boyarshinova, I. M. (2012). Molodezhnye ob"edineniia Iuzhnogo Urala v 1990–2000 gg. [South Ural Youth Organisations in 1990–2000]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3, 42–46. (In Russian)
- Chernoukhov, A. V. (2016). *Istoricheskii fakul'tet Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 1970–1991* [Faculty of History, Ural State University. 1970–1991]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)
- Chernoukhov, A. V. (2018). *Istoricheskii fakul'tet Ural'skogo gosudarstvennogo — Ural'skogo federal'nogo universiteta. 1992–2018* [The Faculty of History of Ural State — Ural Federal University. 1992–2018]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)
- Geller, M., & Nekrich, A. (1996). *Istoriia Rossii. 1917–1995* [The History of Russia. 1917–1995] (Vol. 4) *Glazami istorika. Rossiia na rasput'e. 1990–1995* [In the Eyes of a Historian. Russia at the Crossroads. 1990–1995]. Moscow: MIK: Agar. (In Russian)
- Gordon, L. A., & Klopov, E. V. (2000–2001). *Poteri i obreteniia v Rossii devianostykh. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki ekonomicheskogo polozheniia narodnogo bol'shinstva* [The Losses and Finds of the Nineties in Russia. Historical and Sociological Essays on the Economic Situation of the Majority] (Vols. 1–2). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)
- Krausz, T. (Ed.). (1993). *El'tsinshchina* [Yeltsinism]. Budapest. (In Russian)
- Krausz, T. (Ed.). (1999). *Konets el'tsinshchiny* [End of Yeltsinism]. Budapest. (In Russian)
- Pikhoya, R. G. (2007). *Moskva, Kreml', vlast'. Dve istorii odnoi strany. Rossiia na izlome tysiacheletia. 1985–2005* [Moscow. Kremlin. Power. Two Stories of the Same Country. Russia at the Turn of the Millennium. 1985–2005]. Moscow: Rus'-Olimp; Astrel; AST. (In Russian)
- Rubbi, A. (2004). *El'tsiniada. Pervoe desiatiletie postsovetsoi Rossii* [Yeltsiniada. The First Decade of Post-Soviet Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)
- Shubin, A. V. (2006). *Paradoksy perestroiki: Upushchennyi shans SSSR* [Paradoxes of Perestroika: Missed Opportunity of the USSR]. Moscow: Veche. (In Russian)
- Sidorenko, N. S., & Shuvalov, N. V. (2016). Vuzovskiye komitety VLKSM Cheliabinskoi oblasti v period "perestroiki" (1985–1991 gg.) [University Komsomol Committees of Chelyabinsk Region in the Period of "Perestroika" (1985–1991)]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 4, 64–68. (In Russian)
- Sogrin, V. V. (2001). *Politicheskaya istoriya sovremennoi Rossii. 1985–2001: ot Gorbacheva do Putina* [Political History of Modern Russia. 1985–2001: From Gorbachev to Putin]. Moscow: Ves' mir. (In Russian)

Русина Юлия Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4,
каб. 480
E-mail: iulia.rusina@urfu.ru

Rusina, Yulia Anatolyevna

PhD (History), Associate Professor
Department of the History of Russia
Ural Federal University
4, Turgenev Str., office 480,
620000 Yekaterinburg, Russia
Email: iulia.rusina@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-8286-4878
Scopus ID: 57194765538